

Е.Н. Ильина

Вологодский государственный университет

Л.В. Сабурова

Средняя общеобразовательная школа № 3 г. Вологды

НАЗВАНИЯ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ КАК МАРКЕРЫ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена изучению когнитивных особенностей и деривационного потенциала названий диких животных в вологодских говорах. Материалом для исследования служит лексика «Словаря вологодских говоров» и записи бесед с информантами по вопроснику «Лексического атласа русских народных говоров».

Когнитивная диалектология, диалектная языковая картина мира, вологодские говоры.

В народных представлениях о животных существует весьма устойчивое разделение на домашних (тягловый, крупный и мелкий скот, животные-компаньоны, домашняя птица и др.) и диких, живущих вне крестьянского дома (в лесу, в водной среде и пр.). Диких животных отличает от домашних территория проживания (*Ой, какая зверина тут давече бегала в лисе; Куры-те на седале, а дикие-то птицы по кустам шоркающая; Не кошоно, дак гадины-те с лису ползут*), автономность их жизнедеятельности по отношению к человеку (за исключением, пожалуй, лосей, которых крестьяне зимой подкармливают (*Я зимой лосей веткам кормил, от охотохозяйства нам было заданье такое; Лоси-то на другое место перешли. Видел я сѣдни их двор. А много их стало!; Двор поздно узнали, лоси ушли уж все. Ты не бывала на дворе-то? А красиво! Я видал такие дворы в лесах*), угроза жизни и здоровью (*Медвидя-то боелись зимой, и волков боелись; Бежим, а уж волк-от жеребѣнка-то розорвал; Стоит моя бедна короушка: пауты зажучили – спасу нет!*), а также возможность охоты и рыбалки (*Рябков дедко наносит – будет чего пожевать-то; Уж из его-то клипи дак ни один воук vybrатцо не мог; Мужик с Белоусова нам суцик-то продавал, рыбы-то много попадало, себе сушили и на людей*).

Внутри всей совокупности диких животных выделяются те, чье мясо человек употребляет в пищу (собственно *звери, птицы, рыбы*), а также «гады» – существа, отличающиеся от них качеством кожного покрова и обладающие способностью ползать (земноводные, пресмыкающиеся, черви, насекомые) [3, т. 3, с. 370]. В данной статье мы обратим особое внимание на названия млекопитающих. Для них в лексиконе вологодского крестьянина существуют общие названия: локально не ограниченное существительное *зверь* [Фасмер, т. 2, с. 87] и его производные – *зверѣк* (*Ни одного зверька с охоты не принѣс*), *зверок* (*Дорогу пересечѣт какой зверок, и всё*), *зверина* (*Ой, какая зверина тут давече бегала в лисе*), *зверице* (*В лесу-*

то много зверица водится), *зверѣ* (*На боровине, поди, и сейчас зверья-то полно*), а также образования с общеславянским корнем *-дик-* [Фасмер, 1, с. 514]: *дикий* (*Кабан-от дикий, лесной поросѣнок*), *дичѣ* (*Ишь, охотники-ти на озеро пошли, на дичѣ охотятся*), *дичатина* (*Когда убьют зверѣ, дак дичатина*). Контекстуальная информация о зверях дает возможность актуализировать такие существенные для крестьянского сознания их особенности, как количество на определенной территории проживания (*В лесу-то много зверица водится; Ни одного зверька с охоты не принѣс*), размеры (*Мал зверѣк-то, на шапку меха, поди, и не хватит; Матѣрый зверюга медведь-то, не дай, Бог!*), практическая польза (*Зверья, птицы набьют – вот и денежка какая, и на питаньѣ будѣт. Жили*) или, наоборот, исходящая от зверя угроза, свойственные ему агрессивность и непредсказуемость поведения: *Осенью-то у лосей гон бывает. Несѣтся, самку-то ишиэт дороги не разбирает. Сколь вон раз с машинам шиолкались. Звери дак*. Сходство со зверем маркируется семантическими переносами по отношению к домашним животным (*дикое мясо* «бран. О буйном, беспокойном животном»: *Стой ты, дикое мясо! Куды тебя понесло-то?* [СВРГ, с. 88]) и к человеку (*зверяга* «злой, недоброжелательный человек»: *Только ругался со всеми, зверяга* [КСВГ]).

Записи речевых высказываний о диких зверях определяют состав млекопитающих, знания о которых актуальны для локальной картины мира. Животные этой группы имеют неодинаковую актуальность для севернорусского крестьянина, их описание эксплицирует различный набор признаков, существенных для описания разных животных.

МЕДВЕДЬ, наиболее крупный и опасный хищник на Европейском Севере России, занимает в народном сознании главенствующее положение среди лесных зверей, считается хозяином леса [2, с. 159]. Не случайно поэтому контент речевых высказываний о медведе в исследуемых нами материалах является наиболее обширным и разнообразным. В качестве основно-

го названия этого животного информанты используют локально не ограниченные в употреблении табуистические в своей основе слова *медведь* (ср.: **medvĕdъ* [Фасмер, т. 2, с. 589]): *Когда медведи дерутся за медведиху, она стоит, а потом слабого от себя медведиха отгоняет; мишка* (ср.: *Мишка, Михаил Иванович Топтыгин* [Фасмер, т. 2, с. 631]): *Мишек-то, бывает, и видают – лес-то близко, а также диалектные табуистические названия: батман* (*Какой батман из лесу вышел – ср.: батман «связка лука или чеснока* [СВГ, вып. 1, с. 24]). Самца медведя именуют также существительными, производными от *медведь*: *медведко* (*Ишь медведко-то рожь потоптал*), *медведятина* (*Медведятина-то больно на посёлки не заходил*), *медвежник* (*С большого расстояния к медвежнику не хожь, а то и сожрать может*). Производные от этого же существительного называют *самку* медведя: *медведица* (*Мидвидица-то была недалеко, видно*), *медведиха* (*Когда медведи дерутся за медведиху, она стоит, а потом слабого от себя медведиха отгоняет*), *медвежица* (*Медвежица с медвежонком по полю рожь ели*), *детеныша*: *медвежонок* (*Пестуны, они не отходят от матери-медведицы, а нянчатся с медвежатами маленькими*), *медведёнок* (*Медведята-то маленькие, а пестун побольше*), *медвежик* (*Медвежики-то маленькие, они безобидные*), *совокупность* медведей: *медведьё* (*Медведья нонче всё меньше: а исти нечего, дак и нету их*), *медвежьё* (*Всё межвежьё ушло за Коцаркино от делянки*), *мясо и шкуру* медведя: *медведина* (*Скусна мидвидина; Медведину-то снимают и сдают, а кто и сам выделявал, дак только воняет она*), *медведятина* (*Скорей бы зима: из медведятины-бы супцу поварить; У нас дома ране медведятина лежала, дедко принёс*), *медвежина* (*Медвежина жёсткая, вымачивать надо; Медвежина на полатах сколь годов лёжит*), *медвежатица* (*Из медвежатицы каклет наделать что ли?; Медвежатица на пол постлана – дак уж богатый дом, у нас таких не бывало отродесь!*); *охотника* на медведя: *межвежатник* (*Давеча межвежатники медведятину обещали*), а также прилагательные со значением *признака* по отношению к медведю или по принадлежности ему: *медведий* (*Медведя убьют, а жир медведий не выбрасывают, он полезный*), *медвежий* (*Самый-то у нас тут медвежий край*), *медвежиный* (*Медвежиная семья: сам, да матка, да пестун, да маленькие*). Существительное *медведь* входит в состав многих составных наименований (*медвежьё курилка, медвежий табак* «гриб дождевик»; *медвежье ушко* «растение толоконница» и др.) и устойчивых выражений: \diamond *Не медведь дерёт – мужик берёт*¹ «слова утешения, адресуемые невесте, неохотно выходящей замуж» [КСВГ]), а также служит мотивирующей базой для производных существительных – названий предметов бытовой культуры (*медведка* «небольшой невод, которым ловят рыбу, идя бродом, бредень»; *медведко* «связка лука, чеснока»; «палка с привязанными к ней веревочками гроздьями рябины, вывешиваемая на мороз, чтобы ягоды утратили го-

речь»; «укладка мха»), а также животных и человека (*медведко* «крот»; *медвежиха* «злая сердитая женщина»).

Речевые высказывания о медведе в исследуемых нами материалах актуализируют такие признаки этого животного, как физическая сила и мощь (*На лапы задний седёт да зарявкат – мидвидя-то не дай, Бог, увидеть!*; *Когда медведи дерутся за медведиху, она стоит, а потом слабого от себя медведиха отгоняет*) и опасность для человека (*С большого расстояния к медвежнику не хожь, а то и сожрать может; Не ходи той дорогой, а то встретишь ты пестуна, а он ешио злее медведицы; Весь был зараненный от медведя и погиб; Думаю: она <медведица> тут меня и замнёт в этой, и не натти. А хоть на дороге замнут, дак тут хоть найдёт кто-нибудь. Вот ведь какая страшь!*). Информанты замечают следы пребывания медведей (*Ишь медведко-то рожь потоптал; Медвежиный след видели; Тут была и лёжка медвежья, и говёшко его я видал*), знают места их обитания и сезонные привычки (*Тут вдруг медвежица из лесу вышла; Какой батман из лесу вышел; Со Сдвиженья-то мидвидь ссёт лапу свою; Осенью медведь наестся и залегаёт спать в берлогу; Только подошоУ, а из лежишица медвидь вылез. Я не знаю, шо и делать*), обращают внимание на звуковые сигналы, издаваемые медведем (*А мидвидица-то боУшого схватила, да как зарюхала!; Медведь-от и змуравкал в малине-то; А я испугалась клоктанья такого: медведица на медвежат клокчет. Клоктанье-то из кустов слышно было, сердилась медведица-то*), на предпочитаемую им пищу (*На реке, я видала, медведь рыбу ловил; Малину собираю, слышу – трешыт в кустах-то, мужик какой-то большинской. Пригляделась – а это медведь! Я как сойкала-то, дак и медведь, и я куды глаза-ти глядят убежали; Медведко-то в лесу на той поляне, где я ягоды забираю, всё ходит; Медвежица с медвежонком по полю рожь ели; Один раз мы в лес сходили за малиной, дак медвежицу видели*) и характерные движения (*Я как зревела – медведь перекубарился. Второй раз перекубарилась раз <медведица>, но всё от меня она перекубариваецца. Как только перекубарилась туда, опять его схватила, бросила, и от меня ушли*), подробно описывают медвежью семью (*Медвежиная семья: сам, да матка, да пестун, да маленькие; Когда медведи дерутся за медведиху, она стоит, а потом слабого от себя медведиха отгоняет; Пестуны, они не отходят от матери-медведицы, а нянчатся с медвежатами маленькими*). Информанты вспоминают случаи столкновения жителей деревни с медведями (*Медведко-то и пришёл к деревне, а мужики его и убили этта; В сём году убили мужики медведка и медведицу, а пестун с медвежатами остался и загнал на самую вершину двух мужиков, на деревину*), рассказывают о местных традициях охоты на медведя (*Лабаз-от только сделалаУ, мидвидь-от, цяю, уж овёс ест. С лабаз-то на медведя охотяцца*), отмечают, что в результате деятельности человека медведи покидают привычные места обитания (*Медведятина-то больно на посёлки не заходил; Медведья нонче всё меньше: а исти нечего, дак и нету их; Всё медвежьё ушло за Коцаркино от делянки; Трубу-ту газовую тянут, дак всех медведей расшугали*).

¹ Выражение обращает на себя внимание сравнением мужика с медведем, который в славянской народной традиции являлся одним из древнейших зооморфных образов жениха [2, с. 167].

Практическую пользу, по мнению информантов, имеют медвежье мясо (*Скусна мидвидина. Медведина по вкусу как мясо поросёнка жирное*), шкура (*Медведину-то снимают и сдают, а кто и сам выделывал*) и жир (*Медведя убьют, а жир медведий не выбрасывают, он полезный*).

ВОЛК и ЛИСА также относятся к числу крупных хищников, наносят значительный вред крестьянскому хозяйству. При общности описания их внешних и поведенческих черт (*Волк – как собака большая, а лиса – дак тоже с собаку, только поменьше; Волк да лиса – славу в худой год от них не было!*), половой и возрастной детализации (*Волчатка у волчихи-то бывают; Лисичка с лисенятами сейчас, ей еды надо!*) характеристика этих животных в исследуемом нами контенте несколько различается. **Волк** описывается как более свирепое животное (*Волков-то в войну было – страсть! Да злые-то!; Так у одной женщины овцу-то волк и довёл; Бежим, а уж волк-от жеребёнка-то розорвал. Сидит тутюка на жеребёнке-то; Волки всего тебя съедят, только если катаники не розгрызут – катаники жёсткие*), живущее стаей (*В темноте-то и гонятся за им волки, все-то; Волчара матёрой, а при ём уж волченята помоложе в стае-то; Стаёй-то дак волки кого хошь загрызут*), выбирающее крупную жертву (*Это волк-от коров-то там расиугнул; Баба леушкинская, рассказывали, шла с фермы зимой, дак волки её и уходили*). При описании **лисы** информанты обращают внимание на ее способность легко проникать внутрь хозяйственных построек (*Лиса-то пробралась к им да всех курочек-то передушила; Цёго, думаю, куры-те сполошились? Захожу – а в углу-то лиса уж которую мою несушку давит. Я на её с лопатой, а куды? Уж и след-то простыл!*), на выбор в качестве добычи мелких животных (*Лиса мышкам питаётся, ну если курицу какую стаишьт, бываёт, вон кошку удавит*). Деривационный потенциал слов, называющих этих животных, в вологодских говорах также различается: от существительного *волк* (**vykь* [Фасмер, т. 1, с. 338]) образуются производные существительные со значениями увеличительности (*волчара, волчище*), уменьшительности (*волчок*), женскости (*волчиха, волчица*), незрелости (*волчонок, волченёнок*), собирательности (*волчье*), притяжательное прилагательное (*волчий*), наречия образа действия (*по-волчьи, по-волчиному*), а также семантическое производное *волк* «железный крюк на веревке для перетаскивания бревен» [СВГ, вып. 1, с. 78]. У существительного *лиса* [Фасмер, т. 2, с. 500] кроме производных со значениями уменьшительности (*лиска, лисичка*), незрелости (*лисёнок, лисенёнок*), притяжательности (*лисий*), уподобительности (*по-лисы, по-лисьему*) отмечаются еще глагол, репрезентирующий действие по отношению к лисе (*лисовать* «охотиться на лис с собаками» [СВГ, вып. 4, с. 41]), а также несколько производных, репрезентирующих цветовой признак: *лисий* «рыжий», *лиско* «человек с рыжими волосами»; *лисеть* «буреть, желтеть», *залисеть* «выцветить, пожелтеть, поблекнуть»; *полисеть* «пожелтеть» [СВГ, вып. 4, с. 41; СВГ, вып. 2, с. 128; СВГ, вып. 7, с. 138]. Результат семантического переноса – слово *лиса* «детская игра салки»: *Я не буду в лису играть: нога у меня болит* [СВГ, вып. 4, с. 41].

РЫСЬ, крупного хищника семейства кошачьих, информанты упоминают редко и с осторожностью: *Рысь опасна для человека. Живёт на участке леса, мало посещаемом человеком. Пища их: выводки птиц и зайцы, неокрепшие лосята. О рыси не было разговоров в деревне никогда* (Н.П. Шабров, 1938 г. р., запись 2018 г.). Название хищника *рысь* относится к древнейшим табуизированным названиям (ср.: **ryśь* «рыжий» [Фасмер, т. 3, с. 531]), в записях речи встретились его производные: *рысёнок* (*Рысь с рысятами*) и *рысий* (*Я однажды рысий след видел*).

ЛОСЬ относится также к числу наиболее крупных лесных зверей. Этимологически это слово (**olsь* [Фасмер, т. 2, с. 522]) родственено другим названиям копытных животных – *олень* и *лань*. Оба эти слова используются в вологодских говорах для названия лося: *Экая лань-то из лесу выскочила* [СВГ, вып. 4, с. 31]; *Муж-от у меня оленя видеУ, эдакой рогатой* [КСВГ]. Синкретизм в названии рогатых копытных животных проявляется также в том, что самку лося в вологодских говорах называют *освихой* [СВГ, вып. 6, с. 72] (ср.: *ослиха, осёл*) или *коровой*: [СВРГ, с. 214]. Среди общих наваний лося в вологодских говорах встречается также *сохат*, этимологически связанное с *соха* [Фасмер, т. 3, с. 729]: внутренняя форма этого слова мотивирована формой рогов лося, внешне напоминающей соху: *Ой, какие красивые, пёстрые, рога-ти большие у сохатов. Я их в поле видела: два по одну сторону или да один по другую, красивые* [СВГ, вып. 10, с. 90]. Производные от этих слов называют самку животного (*лосиха, сохатиха*), детеныша (*лосёнок, лосенёнок*), крупное (*лосяра, лосище*) или маленькое животное (*лосик, лосёника*), мясо лося (*лосятина*), признак по принадлежности (*лосиный: лосиная вошь* «клещ»).

Речевые фрагменты, описывающие лосей, содержат информацию о внешнем облике лося – длинных ногах (*Олень длинноногая, рогатая стрекнула бежать, была да нет*), развесистых рогах (*Ой, какие красивые, пёстрые, рога-ти большие у сохатов. Я их в поле видела: два по одну сторону или да один по другую, красивые*), поджаром теле (*Вишь, у Петровны-ты пуцина, а у сохата пуцины нет – ср.: пуцина* «живот» [СВГ, вып. 8, с. 113]), отмечают быстроту и стремительность движений лося (*Сохат да сохатиха стоят, они ведь подбористые. Санко свистнул – они как прыгнут; Олень длинноногая, рогатая стрекнула бежать, была да нет*), особенности его звуковых сигналов (*Слыхали мы, как лоси рычат; Гон когда, дак лось-от трубит, лосиху зовёт*), характеризуют места обитания (*Пошла в лес, слышу: кто-то за деревом шевелится. Думала: мидвидь, а потом пригляделась: сохат; По лесу шёл, вижу, лосенёнок, но подойти не посмел: побоялся*), следы пребывания (*Вот оно, лежище-то лосиное, весь мох примят вокруг; Лежище лосиное: все дидили объедены, весь мох потоптан*), физиологические особенности (*Это не сохат – сохатиха, у неё телёнок есть; Гон когда, дак лось-от трубит, лосиху зовёт*), комментируют особенности охоты на лосей (*Зимой-то сохата не стреляют*) и помощи лосям (*Иногда лосиху убьют, так люди лосенёнка берут и вскармливают; Я зимой лосей веткам кормил, от охотхозяйства нам было заданье такое*).

ДИКАЯ СВИНЬЯ в вологодских говорах именуется общерусским существительным *кабан*, относящимся к числу древнейших заимствований из тюркских языков [Фасмер, т. 2, с. 149]. В вологодских говорах функционируют общерусские производные от этого слова со значениями уменьшительности (*кабанчик*: *А вот тут у нас кабанчиков видали*), увеличительности (*кабанище*: *А спереди-то кабанище идёт, секач, а дальше уж матка с поросятами*), женскости (*кабаниха*: *У кабанихи сисёк-то много, кабанят много нарождаетсясё*), невзрослости (*кабанёнок*: *У кабанихи сисёк-то много, кабанят много нарождаетсясё*), собирательности (*кабаньё*: *Кабаньё-то поганое всю картошку изрыли*), мяса животного (*кабанина, кабанятина*: *И кабанятины когда поиси*), притяжательности (*кабаний*: *В кабаньём-то выводке по семь штук-от поросёнок видала, кабанячий*: *От кабанячьего-то визгу оглохла*), а также действия (*кабанеть* «становиться полным, толстеть» и его производные *закабанеть, раскабанеть* «стать толстым, растолстеть»: *От биздиля-то и кабанеют бабы-те; Вырос да закабанел – не узнать!; Эдак раскабанеть-то дак много еды надо*). Названия самца дикой свиньи (*секач*) характеризует животное по способности к совершенно стремительных агрессивных действий (ср.: *сечь*): *Секач – кабан матёрый, клыки у него; Матка с поросятат тожо страшно, а уж секач – дак он что волка, что мидвидя клыкам-от распорёт*.

Высказывания о кабанах содержат информацию об отличительных внешних особенностях кабанов (*Секач – кабан матёрый, клыки у него; Смотрю – вроде не мои поросята-то, тёмные. А это, гляди, кабанята на помойку-ту пришли, и матка ихняя вон за ивиной*), звуковых сигналах (*Я иду полев, а кабан-от так зрёхает! Я так испужалась!; От кабанячьего-то визгу оглохла*); семейной иерархии (*А спереди-то кабанище идёт, секач, а дальше уж матка с поросятами; У кабанихи сисёк-то много, кабанят много нарождаетсясё; В кабаньём-то выводке по семь штук-от поросёнок видала*), повадках (*Кабанья лёжка у нас у самого крылечка была, страху-то я натерпелась; Кабаньё-то поганое всю картошку изрыли*) и способах противодействия нашествию кабанов на крестьянский урожай (*Мы свет уж оставлели на столбу, уж плёнкой шурашали, вешали – не берёт его, кабана, ничево. Жорёт и жорёт картошку-ту; Охотились на кабанов-то. И кабанятины когда поиси*).

РОСОМАХА, БАРСУК, ВЫДРА, ЛАСКА, ХОРЁК. Животные семейства кунных упоминаются информантами достаточно редко: в общих описаниях лесных зверей (*Езвиков-то теперь в лесу расплодилось!; Хорики эти живут в лесах*), в рассказах о таинственных посетителях крестьянского дома (*Что и зверь-то, не поняла – крыса не крыса, кошка не кошка. А оказалось, хорёк*), о потерях домашней птицы (*Летусь у меня езвец всех цыплят переел, гад эдакой; Чего этих езвиков боеция? Они ведь людей-то не укусят, только курич*), об охотничьей и собачьей добыче (*С хорька шапку изладили; Третьеводни пёс-от язвика из лесу притащил*). Кроме территориально не ограниченных названий этих животных: *барсук* (ср.: тюркск. **bursuk* «серый» [Фасмер, т. 1, с. 128]), *выдра* (**udra* [Фасмер, т. 1, с. 367]); *ласка* [Фасмер, т. 2,

с. 461], *росомаха* [Фасмер, т. 3, с. 504], *хорёк* (ср.: **dъxorъ* «хорёк; вонючка» [Фасмер, т. 4, с. 270] – в вологодских говорах используются их словообразовательные синонимы (*хорик*), морфологические (*ласка* (м.р.)) и фонематические варианты (*росомага*), а также имена существительные с корнем *-язв-*, называющие барсука и хорька (*езвец, езвик, язвик* – ср.: **jazvъ, *jazvъсь* от **jazva* «пещера» [Фасмер, т. 4, с. 550]: *Коваднись деУка язвика в лесу видела* [СВГ, вып. 12, с. 131]). Название самого крупного зверя из семейства кунных (*росомаха*) мотивирует в вологодских говорах название неопрятного, непричесанного, растрепанного существа, соотносясь с традицией представления росомахи как женского демонического персонажа в славянской фольклорной традиции [2, с. 207]: *Я часто говорила своим внучкам: не ходите так на улицу. Глико, как росомаги. Заберите голову!* [СВРГ, с. 450]. А словами *ласка, ласочка* в вологодских говорах называется персонаж, который, по суеверным представлениям, живет в помещении для скота и по ночам доит коров и запутывает гривы лошадей: *Вчера ласка лошадям гривы заплёл; Прихожу в конюшню, а у лошадей вся грива заплетена, наверно, ласка постарался; Ласочка коров-то доит* [СВРГ, с. 239; КСВГ]. Это представление также восходит к древнейшим мотивам славянской мифологии (подробнее об этом см.: [2, с. 224 и далее, с. 237 и далее]).

БОБР, грызун семейства бобровых, упоминается в рассказах о животных как преобразователь пространства возле реки: *Бобровые хатки видела – бобры на реке делают*. От общерусского названия этого животного *бобр/бобёр* (**bhe-bhru-* «коричневый» [Фасмер, т. 1, с. 181]) отмечены производные существительные *бобрина* (*Опеть бобрина-то показавсё*), *бобрёнок* (*У их бобрята нараживаютсясё*), а также прилагательные² *бобровый* и *бобрячий* (*Бобровые хатки видела – бобры на реке делают; Бобрячьи запруды-то видала?*).

БЕЛКА, в отличие от пушных зверей семейства кунных, присутствует в рассказах информантов значительно чаще. Помимо локально не ограниченного названия этого зверя *белка* (ср.: *бѣла вѣверица* «белая белка» от **бѣль* «белый» [Фасмер, т. 1, с. 148]) в вологодских говорах бытует местное название *векша* (ср.: [Фасмер, т. 1, с. 287]), а также производные от них со значениями невзрослости (*бельчонок, векишок*: *Ну, каких там векшат нашли?* [СВРГ, с. 40]) и притяжательные прилагательные (*белчий, векишин*: *В векишном-то дупле векшата и сидят* [КСВГ]). Оба эти существительные входят в состав устойчивых словосочетаний: \diamond *За милу белку* «с большим удовольствием, охотно»: *Морковку разве можно не сушить? Самая ведь она полезная. Ак я ведь растила помногу. Да засушу и берегу: робятам надо отдать ведь. Засушу, дак они за милу белку едят* [ЗР, с. 77]; \diamond *С ругани векша не валитя* «ругань можно стерпеть, поскольку она не причиняет вреда (в отличие от побоев)»: *Она до чего тебя доругала дак! – Наплёвать. Ведь с ругани векша не валитсё. Векшей белку звали. Хоть того больше крици, ак она не упадёт* [СВРГ, с. 40]. Существительное *векша* служит семантической

² Ср. также: *Бобринный угор* – название населенного пункта в Никольском районе Вологодской обл.

основой для неморфемного образования названий деталей ткацкого стана: *векошки* и *векушки* «деревянные блоки, с помощью которых поднимаются нити основы в ткацком стане»: *Векошки – на них висят ниченици; Оне нитеницю держат, векошки-ти; Векошки – на них висит бердо и ниченици; Векушки-то муж сам делал*.

Рассказы о белке отражают особенности ее внешнего вида (*Белочка махонькая, рыженькая, а зимой сивенькая*), движений (*Теперь векиов мало стало, а раньше так по огородам в деревне и прыгали*), проживания в дупле на дереве (*Вишь, какой дупляк. Белка, поди, живёт там*), основной пищи (*Васька-то видел, как белка шишку в дуплѣк тышишла*), многочисленности в прошлом (*Раньше много веки-то было, а ноне редко где увидишь*), особенности охоты на белку (*На векишу наде бы сходить, да стар уж ста У. Векиша как пойдѣт полосой, дак лес-от так и шумит*), потребительских качеств ее мяса и шкуры (*У векии мясо-то неУкусноѣ, шкура хорошая*). Встреча с белкой в лесу представлялась событием неожиданным и радостным (*Внучка у меня видела векишу-то. А сколько радости было! Целый день-то всем рассказывала про это*), а вот встреча с ней на территории деревни считалась предзнаменованием несчастья³ (*Перед бедой векиши по огородам бегают*).

БУРУНДУК, также относящийся к семейству белчиных, упоминается в рассказах информантов как животное, о существовании которого они знают, но никогда не видели: *Есь ишишо бурундуки, но я их, дитятко, не видывала*. Фонетический облик существительного *бурундук* [Фасмер, т. 1, с. 248] и типичность семантического переноса «название животного» → «название предмета бытовой культуры» мотивирует образование в вологодских говорах существительных *бурундук/борондук* и *бурундучок* «деревянный настил, помост из досок около дома»: *Сапоги-то оставь на улице, на борундуке, итѣих зря в избу нести; Надя-то стала стирать на бурундуке; На бурундуцѣе стоит ушат-от* [СВГ, вып. 1, с. 40, 50] (ср. *рундук, рондук, рондык* в этом значении: *Тепло седни. Помогите, девки на рундук выйти; Сано-то на рундуке курит; Вышла я это утром на рундык и вижу: коров уже на пастбище погнали* [СВГ, вып. 9, с. 72]).

ЗАЯЦ занимает особое место в сознании сельских жителей Вологодского края. Общее название этого животного относится к числу древнейших славянских образований с корнем *-зай-* [Фасмер, т. 2, с. 84]. От него образуются названия *самки* животного (*зайчиха: Заячиха помене самца-то*), *детеныша* (*зайчѣнок, зайченѣнок: У каждой зайчихи бывает много зайченят*), существительные со значениями *уменьшительности* (*зайчик, зайчѣшко: Заячика вышиваю. Смотри, какой зайчошко-то баской полуцеецѣ!*), *увеличительности* (*зайчина, зайчице: Заячина дородной – сижу, роздѣляваю; У, зайчишио, серой хвостиишио!*), *собирательности* (*зайчѣ: Заячѣ-то к ѣму в лодку, к Мазяюту, и загреблося*), *мяса* и *шкуры* животного (*заячина, зайчатина, зайчатинка: Заячины-то охота поиси; Заячатину едывала, батько приносил; Садись, отве-*

дай-ко зайчатинки, поди, в городу такого нету?), *предмета*, имеющее отношение к зайцу (*заячник «сено низкого качества, насушенное из жесткой травы с длинным стеблем»: Заячник с заливногo луга не соберѣшь, всѣ больше посуху. Только коровам его и даѣм: овце не съест*), *притяжательности* (*заячий, зайчиный: Заячиный хвос-от на мазило не изладицѣ, лапку если*). Среди диалектных названий зайца отмечены производные слова, внутренняя форма которых эксплицирует внешние особенности этого животного – короткий хвост (*куцехвостый: Он не ходит за куцехвостыми, два раз бывал – и всѣ* [КСВГ]) и длинные уши (*ушан, ушастик, ушкан, ушканчик: Ушастиков в наших лесах много, мясо их вкусно; Ушкан бежал, следы свои запутал, вот и распутывай* [СВГ, вып. 11, с. 164–165; КСВГ]).

Контекстуальные иллюстрации, характеризующие зайца, отмечают особенности цвета его шкурки (*Зайка серенькѣй*), строения тела (*Зайчонка можно ушанчиком звать, так как у него уши длинные*), передвижения (*Ушкан бежал, следы свои запутал, вот и распутывай*), физиологических особенностей (*У каждой зайчихи бывает много зайченят*), характерных для зайца пищи и ее поедания (*Смотрю из окна на заулок, а там заяц кору у яблони грызкает; Заяц осинку-то любит*), комментируют порядок охоты на зайцев (*Кряжи называются, ну, палка здоровая, метра четьре, ну, кряж ставится и осиновых пруточков. Заяц осинку-то любит, он съест, пух! – его и придавит кряжом этим*) и пользу от добычи (*Зайчатина, задок. Ну, вот я много бил. Вот когда ошкуришь, по почки перережешь, вот тепере там костья много, сала-то мало. А тут вот на ляжке... Вот еѣ в горшок*).

Существительное *заяц* и его производные входят в состав многочисленных устойчивых сочетаний: составных названий растений и грибов (*заячья кислица «растение кислица обыкновенная, заячья капуста»; заячья банька «гриб дождевик», ср. также зайчушка «гриб лисичка»*), метафорических обозначений природных явлений (*заяц пиво варит «о легком тумане, предвещающем назавтра хорошую погоду»*) и деталей домашнего пивоварения (*белый заяц «всплеск пышной пены, образующейся при брожении пива»; заяцем ходит «вспениваться (о пиве)»*). Образ зайца неоднократно появляется в описаниях народных традиций (*зайнька «хороводный танец; игра на посиделках»*) и наиболее полно сохраняется в рассказах о традиционном свадебном обряде: *зайчик* «в традиционном свадебном обряде – матерчатая фигурка зайчика, которую клали на тарелку и с ней обходили гостей, а они бросали на тарелку деньги»: *Сделают из носовушки зайчика, и кидают на его молодые девчонки денег; В старину зайчика выряжали, наряжали зайчика на тарелке, обходили гостей, все клали деньги на тарелку; зайчик петь «часть свадебного обряда»: Делают зайчика такого из платка. Про него и поют женишныны, девки. Тепер-то не поют, я и не вспомню; зайчика выряжать «в традиционном свадебном обряде – класть матерчатую фигурку зайчика на тарелку и обходить с ней гостей, чтобы они бросали на нее деньги» [СВГ, вып. 2, с. 119]. Этот образ связан с мифологическим восприятием зайца как мужского персонажа, выбирающего себе невесту (подробнее об этом см.: [2, с. 179–184]).*

³ О белке как предвестнице несчастья подробнее см. [2, с. 253].

ЁЖ нечасто упоминается в рассказах информантов о животных. Общее название животного ёж [Фасмер, т. 2, с. 10] служит производящим для названий самки и детеныша, а также для выражения уменьшительно-ласкательного значения (*ежиха, ежонок, ёжик: Ёжики-то у нас живут. Утром маленького видели, хотели молочком попоить*, а *ежиха пришла и ежонка своего увела*), значения принадлежности (*ежиный: Ежиный корм – мухи всякие, ёжиков: Ёжикова мать-та поболе, а сам он махонькёй ишишо*) и действия (*ёжить* и производные: *Руки и ноги мне ёжит, температура, видать*). Рассказы о еже эксплицируют его внешний облик (*Ёж-от колковатой*), повадки (*Ночью-то и топочёт*), интерес к нему со стороны детей и взрослых, стремление сделать ежа ручным (*Ёжики-то у нас живут. Утром маленького видели, хотели молочком попоить, а ежиха пришла и ежонка своего увела*). Внешний облик этого животного лежит в основе устойчивого сочетания \diamond *напугать ежа* «о невозможности испугать, утешить кого-либо»: *Вот тоже мне! Напугал ежа! Мы и без тебя знаем, что завтра все в лес пойдём сучья убирать* [КСВГ].

КРОТ ведет подземный образ жизни, следами его жизнедеятельности становятся кучки земли, извлеченные на поверхность из создаваемых кротом нор. Кроме локально не ограниченного в употреблении названия животного *крот* [Фасмер, т. 2, с. 383], в вологодских говорах употребляются его производные названия: *слепыш* [СВГ, вып. 10, с. 50] – ср.: *слепой; крохогор* [КСВГ] – ср.: *гора; землеройка, кроторойка, рытик* [СВГ, вып. 9, с. 77; КСВГ] – ср.: *рыть*.

Возможность получения практической пользы от ловли кротов эксплицируется в рассказах о жизни послевоенной деревни: *Кротов раньше ловили, шкурки выделывали да сдавали, за них, помню, муку белую давали*. В рассказах информантов внешний облик крота практически не воспроизводится: куда существенней оказывается урон посадкам, который наносят кротинные норы (*Кротина опять в бороздах – опять, видно, крот завёлся; По полю идёшь да раз провалишься, да другой, всё кротоедины одни*), и способы борьбы с ними (*Прибегаю: крот из своей кротовины вылез. Я его лопатой: сколько огорода попортил!; Сёдни пошла сено-то ворошить, гляжу, а кошка-то моя крохогора таскает; Не знаю, что с грядками делать: весь огород в кротороинах*). Именно поэтому в вологодских говорах фиксируется множество производных, называющих нарытые кротом проходы под землей и кучки земли, извлеченной из них на поверхность: *землеройка, кротина, кротовина, кротоедина, кротоедник, кротолов, кротороина* и др.

КРЫСА и МЫШЬ, грызуны семейства мышинных, упоминаются в речевых высказываниях информантов преимущественно в негативном контексте: *Поймал он гадину (мышь); Крысы у меня и добылись через сени-ти. Зубы у них такие, дак добудутся до чего хошь; Мышь-то, зараза такая, и грызёт себе, хоть бы что!* Использование для названия этих животных, кроме общерусских *крыса* [Фасмер, т. 2, с. 389] и *мышь* [Фасмер, т. 3, с. 27], обобщающих древнейших названий *гад* (ср.: **gady* [Фасмер, т. 1, с. 381]) и *гнус* [Фасмер, т. 1, с. 422] подчеркивает восприятие этих грызу-

нов как явных врагов крестьянского хозяйства: *Грамоты нашла, а верхушки все отгрызены. Гад ли, кто ли?; Вот ну не гадина ли, крыса-то? Крышку с чигуна спехнула, картошку утащишла; А что гнуса в онбарах было!* Общие названия животных мотивируют образование производных слов со значениями уменьшительности (*мышка: Мышка попала в мышеловку-то*), увеличительности (*крысятинна: Экая крысятинна-то по огороду утром шла!*), невзрослости (*крысёнок, крысёныш: Крысёныш-то попалсё!*; *мышенок, мышенёнок: А в гнезде-то у ей пишишат мышенята*), притяжательности (*крысий: Крысьи-то зубы видать; крысячий: Весной избу-то открыли, а на подушке крысячы говна; мыший: мыший горох* «растение мышиный горошек»), действия, соотносительного с поведением животного (*крыситься* «проявлять злобу, агрессию, ругаться»: *Ты пошто на девку-ту крысиссё? Сам виноват!*). Существительное *мышь* входит в состав нескольких составных наименований растений (*мыший горох* «растение мышиный горошек», *мышья сосенка* «хвощ полевой»), сравнительных оборотов (*мокрый, как мышь; дуется, как мышь на крупу*) и фразеологизмов: \diamond *Мышь бежит, дак видно* «о редких всходах, траве» [СВРГ, с. 19].

Речевой контекст указывает на количество грызунов (*Мышей беда, как нету кошки*), их размеры (*Крыса большая, а мышьи-ти меньше, и говна-ти у их маленькиё*), места проживания (*А что гнуса в онбарах было!*), производимые звуки (*Среди ночи в углу-то кто-то забарабошил, наверно, мышь; Начнут шоркаться мышьи-то*), продукты питания и вещи, подвергшиеся порче (*Грамоты то нашла, а верхушки-то все одгрызены. Гад ли? Кто ли?; Вот ну не гадина ли, крыса-то? Крышку с чигуна спехнула, картошку утащишла*), кошку как главного избавителя дома от мышей и крыс (*Без них-то (кошек) гад копится; У нас нельзя без кошек, гнус копнице; Поймал он гадину (мышь); Муську-то как разматрёнило, и мышей то-переци не ловит*), а также на химические и механические средства защиты от грызунов (*Мышка попала в мышеловку-то; Крысёныш-то попалсё!*; *Ой, крыса на кухне появилась! Клеп надо поставить, где-то у меня была золезная; Отравы от крыс купила, дак как бы кот-от не потравивсё*).

Завершая описание корпуса высказываний о диких зверях, следует обратить внимание на рассказы информантов об охоте. Кроме общерусского названия для этого вида деятельности в вологодских говорах употребляются слова с корнем *-лес-* // *-леш-*: *лешня* «охота; охотничья добыча» (*Уходил на лешню, иной раз на две недели; Он у нас лешней занимается* [СВГ, вып. 4, с. 39]), *лесовать* «заниматься охотой, охотиться» (*Лесовать старик пошоУ*); «*Лесовали раньше: птицу стреляли, петли ставили* [СВГ, вып. 4, с. 37]), *лесовка* «охота» (*На лесовку приехал, на кабана* [КСВГ]), *лесовицик* «охотник» (*Это уж лесовицик за каждым зверем идёт; Каждый год бываёт лесовициков-то много* [СВГ, вып. 4, с. 37]), *налесовать* «настрелять, добыть на охоте» (*Порядочно налесовали* [КСВГ]), *полесовать* «поохотиться» (*Иной бы полесовав, да уж силы не те. И собаки нету* [КСВГ]). В рассказах информантов об охоте фигурируют названия множества приспособлений, используемых для ловли

диких зверей и птиц: *клепъ, крепь* [СВРГ, с. 192; КСВГ], *кряж* [СВРГ, с. 229; КСВГ], *лабаз* [СВГ, вып. 4, с. 28], *насторожка* [СВГ, вып. 5, с. 75], *петля* [СВРГ, с. 354], *сило, силишки, сильышко, сильё* [СВГ, вып. 10, с. 7]. Детальное описание этих приспособлений свидетельствует о том, что приемы ловли зверей и птиц были хорошо известны сельчанам: *Я в клепи-то только одного зайца поймал. Две скобы, их растопе-ришь вот эдак, там холишювая прокладочка и на-сторожка. Заяц наступит и – хлоп! Туда сунёшь, а потом запорхаешь тихонечко снежком; Кряжи на-зываются, ну, палка здоровая, метра четыре, ну, кряж ставится и осиновых пруточков. Заяц осинку-то любит, он съест, пух! – его и придавит кряжом этим; Мы жёрдки на рябчиков ставили. Дед привя-жет батог между деревьями, а на батог ставят силушки, а на конец рябину привязывают; Ставили в этом лесу силье мужики. Конский хвост обстригут, из него петель наделают – птичка-то и попадёт.*

Таким образом, изучение корпуса названий диких животных в вологодских говорах дает возможность убедиться в том, что вербализация «мира животных» в вологодских говорах представляет собой систему лексических и фразеологических средств, семантика, внутренняя форма и контекстуальное окружение которых репрезентируют типологические свойства диа-

лектной языковой картины мира [1]: антропоцентричность, парцеллированность, прагматичность, традиционность и экспрессивность.

Список сокращений

ЗР – Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах. – Вологда: ВГПУ, 2014. – 304 с.

КСВГ – картотека «Словаря вологодских говоров» (ВоГУ).

СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вологда: ВГПИ; ВГПУ. 1983–2007. – Вып. 1–12.

СВРГ – Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области). – Вологда: ВоГУ, 2017. – 604 с.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Москва: Прогресс, 1986.

Литература

1. Вендина, Т.И. Языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина. – Москва: Индрик, 1998. – 236 с.

2. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции / А.В. Гура. – Москва: Индрик, 1997. – 910 с.

3. Славянские древности: этнолингвистический словарь. – Москва: Ин-т славяноведения РАН, 1995–2012. – Т. 1–5.

E.N. Ilyina, L.V. Saburova

DENOMINATIONS OF WILD ANIMALS AS MARKERS OF THE DIALECTAL LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article deals with the cognitive and derivational peculiarities of wild domestic animals' denominations in the Vologda dialects. The material for the research includes the lexicon of *The Dictionary of the Vologda Dialects* and transcripts of conversations with dialect speakers, which were held using the questionnaire of *The Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects*.

Cognitive dialectology, dialectal language picture of the world, Vologda dialects.